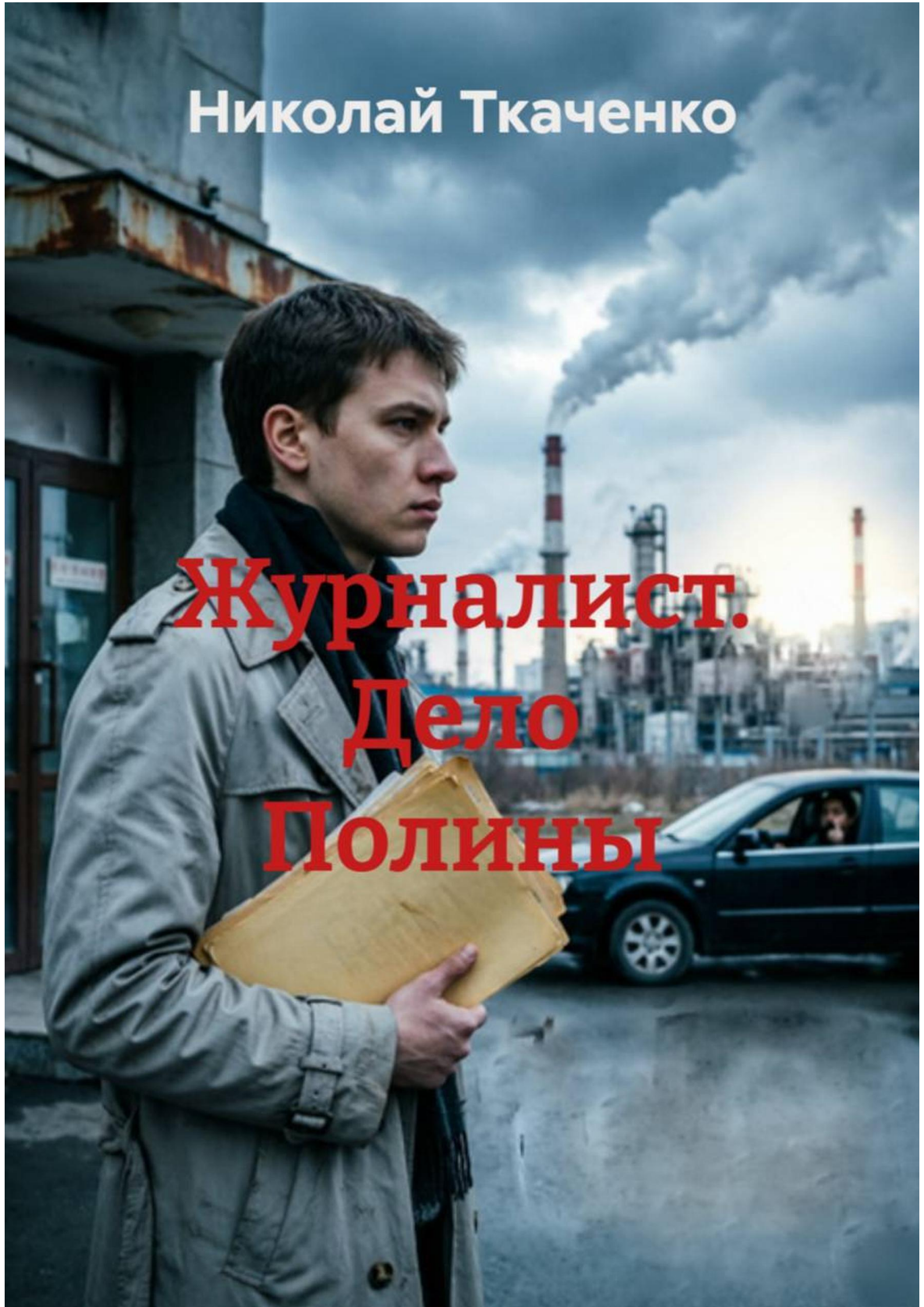

Николай Ткаченко

**Журналист.
Дело
Полины**

Николай Ткаченко

Журналист. Дело Полины

«Автор»

2026

Ткаченко Н. А.

Журналист. Дело Полины / Н. А. Ткаченко — «Автор», 2026

Молодой журналист Илья, полный амбиций и надежд, приезжает из столицы в серый промышленный город N, чтобы писать о настоящей жизни. Но вместо громких расследований его ждут унылые репортажи про кабачки и юбилеи ветеранов. Всё меняется, когда в архиве редакции он находит папку с делом об исчезновении дочери местного олигарха Полины Волковой. Расследование приводит Илью к шокирующей тайне: на новом заводе «ХимПром» запускают установку по сжиганию токсичных отходов со всей страны. Секретная технология «Выжигатель» позволяет маскировать смертельно опасные выбросы, превращая город в гигантский крематорий. За молчанием властей, угрозами полиции и подкупом стоит могущественная корпорация, готовая уничтожить любого, кто посмеет раскрыть правду. Оказавшись в центре заговора, где человеческая жизнь ничего не стоит, Илья должен сделать выбор: сохранить свою безопасность и принять взятку или рискнуть всем, чтобы спасти город от медленной смерти и найти пропавшую девушку.

© Ткаченко Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Пыль и тишина	5
Глава 2 Журналистика кладбищенского спокойствия	9
Глава 3 Секрет Полины	14
Глава 4 Ультиматум	19
Глава 5 Искусство возможного	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Журналист. Дело Полины

Глава 1 Пыль и тишина

Все события вымышлены автором, совпадения с реальными людьми и событиями случайны

Вокзал в городе N пах мокрым бетоном, остывшим углем и безнадеей. Илья, щурясь от тусклого света станционного фонаря, поправил лямку рюкзака, достал телефон из кармана и снова прочитал сообщение в мессенджере. «Ждем, не волнуйся. Встретим». Но встречающих не было.

Он приехал сюда из столицы за мечтой о настоящей журналистике, однако сейчас, стоя на перроне, где ветер гонял по асфальту осенние листья, он чувствовал себя не первооткрывателем, а ошибкой в расписании. К Илье подошел один из местных «бомбил» с предложением отвезти, куда нужно. Такси до редакции газеты «Свет Севера» стоило как половина его будущей зарплаты, но выбора не было.

Он забрался на заднее сиденье видавшей виды «Волги». Водитель — угрюмый мужик в засаленной кепке — не спешил трогаться с места. Он лишь мельком глянул на Илью в зеркало заднего вида и хмыкнул.

— Едем? — голос у него был прокуренный и скрипучий, как несмазанная дверь.

— Угу, — ответил Илья, пытаясь устроиться поудобнее на продавленном сиденье.

Таксист кивнул, включил счетчик и, наконец, вырулил с привокзальной площади на разбитую дорогу.

Город за окном был серым и плоским: пятиэтажки-хрущевки, покосившиеся заборы частного сектора и бесконечные лужи, в которых отражалось свинцовое небо. Минут пять они ехали в тишине, нарушаемой лишь гулом мотора и стуком подвески на ямах. Илья смотрел в окно, изучая унылый пейзаж.

— А ты чего к нам-то? — как бы между прочим поинтересовался водитель, не отрывая взгляда от дороги.

Он говорил медленно, цедя слова через зубы.

— Чего в столице не сиделось? У нас тут не курорт.

Илья повернулся к нему. В полумраке салона лицо таксиста казалось высеченным из камня.

— Хочу поработать в провинции. Изучить жизнь изнутри. Настоящая журналистика ведь здесь, а не в глянцевах столичных офисах.

Водитель издал короткий, сухой смешок, похожий на кашель.

— Изучить? — переспросил он с нескрываемым скепсисом. — Ну-ну. Изучай. Только учти, что изучать тут скоро будет нечего. Город вымирает. Отчаяние тут царит, парень. Полная безнадеега. Молодежь бежит, кто куда может. Остаются либо старики, либо те, кому бежать некуда. Он замолчал на секунду, объезжая очередную глубокую колею.

— А те, кто остается... они либо смирились, либо... — он сделал паузу и бросил на Илью быстрый взгляд через зеркало. Взгляд был тяжелый, предупреждающий. — Либо участвуют в том, что тут происходит.

— В чем участвуют? — Илья подался чуть вперед.

Таксист снова хмыкнул и покачал головой.

— В нехороших вещах, парень. В очень нехороших вещах. Есть темы, о которых тут лучше молчать. Есть вопросы, которые лучше не задавать. Ты вроде умный с виду, городской. Хочешь совет бесплатный: пиши только о природе и о погоде и не задавай лишних вопросов. Так целее будешь.

Илья выслушал эту тираду с вежливым интересом, но мысленно лишь усмехнулся. Он списал мрачные намеки таксиста на общую депрессивную атмосферу умирающего промышленного города и провинциальную склонность к конспирологии.

— Спасибо за предупреждение, — сказал он вслух. — Но я журналист. Моя работа — задавать вопросы.

Водитель ничего не ответил, лишь сплюнул в открытое окно и до самого конца пути больше не проронил ни слова.

Редакция располагалась в подвале бывшего Дома быта. Узкая лестница вела вниз, в царство сырости и вечного полумрака. В нос ударил запах старой бумаги, пыли и дешевого кофе...

— Новенький? — голос редактора, Виктора Степановича, прозвучал из-за горы макулатуры так неожиданно, что Илья вздрогнул. — А, это ты. Столичный. Ну, проходи.

Главный редактор был человеком неопределенного возраста: ему можно было дать и сорок пять, и шестьдесят. Лицо его напоминало печеное яблоко — сморщенное и бесстрастное.

Вся жизнь и карьера Виктора Степановича были построены не на умении писать или говорить, а на умении вести дела и хранить молчание. Бывший работник политотдела местного райкома КПСС, он привык к строгой иерархии, где каждый документ имел свой номер, а каждое слово должно было соответствовать линии партии. Отсутствие журналистского образования он не считал недостатком; в его системе координат журналистика была лишь разновидностью идеологической работы, а любая статья — отчетом о проделанной деятельности.

Его педантичность была абсолютной и порой доходила до абсурда. Он был бы идеальным начальником склада или смотрителем в государственном архиве. На его столе царил идеальный, почти маниакальный порядок. Каждая папка лежала под строго определенным углом, карандаши в стакане были заточены как по линейке, а стопки бумаги выровнены с точностью до миллиметра. Он ненавидел творческий беспорядок и хаос, который несли с собой молодые репортеры.

Редактор не встал из-за стола навстречу гостю; для него это было бы нарушением установленного порядка вещей и ненужной суетой.

Он сидел за своим монументальным дубовым столом и молча изучал Илью через очки с толстыми линзами. Его взгляд был не враждебным и не приветливым — он был оценивающим и холодным, как у бухгалтера, проверяющего годовой отчет на предмет ошибок.

— Виктор Степанович... — нерешительно начал Илья.

— Я знаю, как меня зовут, — отрезал редактор тоном человека, который слышал эту фразу тысячу раз от бестолковых подчиненных. — Документы при себе?

Илья протянул пластиковую зеленую папку с бумагами.

Не говоря ни слова, Виктор Степанович взял её двумя пальцами (как будто боялся испачкаться), положил на край стола и начал методично перелистывать страницы: диплом об окончании университета, паспорт и краткая характеристика с предыдущего места работы... Он не читал их — он сканировал на предмет соответствия формату и наличия всех подписей. Убедившись, что все в порядке, он так же молча закрыл папку и отодвинул её обратно к Илье.

— Твой стол в первом кабинете справа. Компьютер старенький, но главное — работает. Твоя задача на сегодня: разобрать архив материалов за 2015 год. Выбросить всё ненужное и систематизировать по темам. А то у меня все никак руки не доходят. К обеду жду отчет о проделанной работе в письменном виде на моем столе. Можешь приступить прямо сейчас.

Это было его кредо: порядок превыше всего. Любая инициатива журналиста должна была быть сначала оформлена как служебная записка на его имя в двух экземплярах (один — подшить в папку «Входящие», второй — в «Исходящие»). Любая статья проходила через его руки как через фильтр. Он искренне верил, что делает благое дело — поддерживает стабильность и порядок не только в редакции, но и во всем городе. Ведь хаос начинается с непроверенной информации на первой полосе газеты.

Архив представлял собой комнату три на три метра без окон, освещаемую одной голой лампочкой под потолком. Воздух здесь был неподвижным и тяжелым. Илья включил свет и чихнул от поднявшейся пыли. За старым шкафом из ДСП действительно высилась гора пожелтевших газетных подшивок, перевязанных бечевкой. Рядом было нагромождение папок с подшитыми в них пожелтевшими листами А-4.

Работа была монотонной и усыпляющей. Илья методично сортировал бумаги: это в макулатуру, это на выброс... Он взял в руки очередную папку-скоросшиватель и почти машинально хотел уже определить ее к разряду ненужных, но взгляд на мгновение зацепился за надпись. Сверху красным маркером было выведено одно слово: «Сжечь».

Илья открыл папку: внутри лежали распечатки каких-то электронных писем, ксерокопии непонятных схем и несколько рукописных листов с пометками редактора на полях. Но главное — вырезки из других газет и распечатки новостей трехлетней давности.

«Дочь известного бизнесмена пропала без вести», — гласил классический кликбейтный заголовок статьи.

Имя девушки — Полина Волкова — было обведено простым карандашом.

В материале говорилось о том, что девушка исчезла за неделю до своей свадьбы с сыном мэра города. Официальная версия — побег от навязанного брака к неизвестному возлюбленному.

Однако в папке были совсем другие детали: упоминания о её связях с движением «Зеленый пояс», о протестах против строительства мусоросжигательного завода на окраине города и показания анонимного свидетеля, видевшего, как похожую девушку двое крепких мужчин затолкали в машину на трассе в ночь исчезновения.

Илья почувствовал знакомый азарт — тот самый, ради которого он бросил уютную жизнь в столице ради этой сырой дыры.

— Виктор Степанович! — крикнул он, выходя из архива в общий зал.

Редактор поднял голову от сканворда, который он имел привычку разгадывать после обеда, чтобы скоротать время.

— Я тут нашел кое-что... Тут материалы по делу некой Полины Волковой.

Лицо редактора не изменилось ни на йоту, но Илья заметил, что зрачки его на мгновение сузились.

— И что? — равнодушно спросил он.

— Как что? Это же сенсация! Три года назад пропала дочь олигарха! Тут целая папка компромата! Почему это не вышло?

Виктор Степанович тяжело вздохнул, отложил ручку и посмотрел на Илью так, как смотрят на неразумного ребенка.

— Сядь, — приказал он тихо. Илья сел на скрипучий стул напротив. — Ты думаешь, мы тут от хорошей жизни пишем про кабачки? Ты думаешь, мы тут, потому что таланта нет? Нет, парень. Мы тут, потому что живы пока. И хотим остаться живыми дальше. Эту папку мне принесли три года назад вместе с толстым конвертом и очень убедительной просьбой забыть об этом деле навсегда. Я забыл. И ты забудь.

— Забыть? Но это же... журналистский долг! А как же... правда?

— Правда? — редактор горько усмехнулся. — Правда здесь стоит ровно столько же, сколько эта папка макулатуры. А твоя жизнь стоит дороже. Выброси это и никогда больше не доставай.

Илья вышел из редакции в полной растерянности. Папку он решил забрать с собой, почитать все еще раз дома, а потом уничтожить, как посоветовал Виктор Степанович. Он шел по темной улице к съемной квартире, когда услышал за спиной торопливые шаги и тяжелое дыхание.

Он обернулся. В свете единственного работающего фонаря стояли двое. Крепкие ребята в кожанках как из 90-х. Выражение лиц их не сулило ничего хорошего.

— Парень, — сказал тот, что был покрупнее, подходя вплотную и обдав Илью запахом дешевого парфюма. — Ты новенький в газете?

Илья слотнул комок в горле и кивнул.

— Так вот слушай сюда внимательно. Есть темы для новостей... а есть темы для тишины. Ты меня понял? Тишина стоит денег. А вот эта папочка у тебя под курткой... она стоит очень дорого для твоего здоровья. Он легонько ткнул Илью кулаком в грудь. — Не лезь туда, куда собака свой нос не сует. Живи спокойно. Работай про кабачки.

— Да, и эти бумаги мы у тебя конфискуем, — не терпящим возражения тоном продолжил второй, протягивая к Илье правую руку.

Они развернулись, и растворились во тьме так же внезапно, как и появились, унося с собой загадочную папку.

Илья остался посреди пустой улицы один на один с городом N и его тайнами. Так он постоял минуты три, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. А потом плотнее запахнул куртку и ускорил шаг по направлению к дому.

Решение уже было принято где-то глубоко внутри него, вопреки логике и инстинкту самосохранения. Он докопается до правды о Полине Волковой и химическом заводе.

Потому что если он этого не сделает прямо сейчас, то он никогда больше не сможет смотреть на себя в зеркало без отвращения.

Глава 2 Журналистика кладбищенского спокойствия

Утро в съемной квартире встретило Илью ледяным сквозняком из щелей в разошедшейся раме и запахом сырости, который въелся в обои, казалось, еще в советские времена. Он сидел на краю продавленного дивана, обхватив голову руками, и пытался по крупичкам восстановить содержимое украденной папки.

Физического носителя у него больше не было, но мозг, натренированный работой в столичных новостных лентах, цепко держался за обрывки. Он помнил имя: Алексей Белов. Координатор движения «Зеленый пояс». И еще одну деталь, которую редактор, видимо, посчитал несущественной или просто не заметил в спешке: на одной из ксерокопий схем мусоросжигательного завода была пометка синей ручкой: «Проектная мощность занижена в 3 раза. Реальный объект — утилизация токсичных отходов химкомбината «С».

Илья понял, что исчезновение Полины Волковой было не просто бегством от свадьбы. Она знала, что под видом экологичного завода в городе планируют построить гигантскую печь для сжигания смертельно опасных отходов, и, вероятно, собиралась выступить с разоблачительным заявлением в федеральных СМИ.

В редакции «Света Севера» царила та же унылая атмосфера, что и вчера. Виктор Степанович, не поднимая глаз от сканворда, бросил на стол Ильи смятую бумажку.

— Муниципальный отчет о замене труб в детском саду номер четыре. Перепиши нормальным человеческим языком, добавь пару теплых слов о заботе мэрии. К четырем часам жду.

Илья кивнул, садясь за свой скрипучий стол. Он включил старый системный блок и, пока тот грузился, достал из кармана дешевый кнопочный телефон, который купил по дороге на вокзал. Смартфон он оставил дома — после вчерашней встречи паранойя стала его лучшим другом.

Поиск в местном городском форуме по имени «Алексей Белов» дал неожиданные результаты. Несколько постов трехлетней давности с призывами выйти на митинг, и последняя запись, датированная шестью месяцами после исчезновения Полины: «Сегодня ночью в кювете под городом нашли перевернутую "Ниву" Белова. По предварительным данным, водитель не справился с управлением на скользкой дороге».

Илья закрыл браузер. Два странных совпадения подряд — это уже закономерность.

Вместо того чтобы писать про трубы, он вышел из редакции и направился на автобусную остановку. Ему нужно было увидеть место, из-за которого, возможно, погибла девушка.

Автобус с хрипом и лязгом домчал его до конечной остановки на окраине города. Здесь асфальт заканчивался, переходя в месиво из грязи и щебня. Впереди, за ржавой колючей проволокой, возвышался каркас недостроенного мусоросжигательного завода. Огромные бетонные трубы, похожие на пальцы мертвеца, тянулись к свинцовому небу. Рядом темнел вырубленный лес — тот самый «Зеленый пояс», ради которого Белов и Волкова подняли шум.

Илья перелез через дыру в заборе и пошел по направлению к будке охранника. Возле нее, греясь у железной печки-буржуйки, сидел старик в телогрейке и вязаной шапке-ушанке. Рядом лежала дремлющая овчарка.

— Дальше не ходи, сынок, — хрипло произнес старик, не открывая глаз. — Объект законсервирован. Вход по пропускам.

— Я не на объект, — Илья достал пачку сигарет и протянул одну старику. — Я журналист. Хотел спросить про лес. Говорят, тут раньше активисты ходили. Белов, например.

Старик открыл один глаз, внимательно посмотрел на Илью.

— Журналист... — прошипел он. — Раньше тоже ходили. Шумные были. А потом затихли.

— А что с ними стало?

— А что бывает с теми, кто против течения плавает? — Старик усмехнулся беззубым ртом. — Течение их ломает. Белов этот в канаву улетел. А девка-то... красивая была. В реке её искали. Дураки. Не там искать надо было.

Илья почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с осенним ветром.

— Вы что-то видели? В ночь, когда она пропала?

Старик вдруг насторожился, покосился на дорогу, ведущую к трассе.

— Я ничего не видел, — быстро сказал он, и в его голосе проскользнул неподдельный страх. — И ты ничего не видел. Уходи отсюда, парень. Пока цел. А если хочешь знать, куда Белов свои бумажки девал, спроси у его вдовы. Она в общежитии заводской живет, в третьем блоке. Только там свои законы. Чужаков не любят.

Илья поблагодарил старика и быстро зашагал обратно к трассе. Он уже представлял заголовки своей статьи, он почти чувствовал запах типографской краски... Но реальность провинциального города N была куда более липкой и опасной.

Когда он вышел на главную дорогу и остановился, чтобы поймать попутку, в зеркале бокового обзора он заметил движение. В сотне метров позади, медленно, почти ползя по разбитому асфальту, двигался черный внедорожник с тонированными стеклами. Машина не обгоняла его. Она просто держала дистанцию.

Илья сглотнул, заставил себя не оборачиваться и не ускорять шаг. Он поймал взгляд водителя встречной «Газели», взмахнул рукой, и через секунду уже сидел в теплой, пахнущей бензином кабине.

— Куда едем, начальник? — спросил водитель.

— В центр, — ответил Илья, не сводя глаз с зеркала. Черный внедорожник развернулся и уехал в противоположную сторону.

Но Илья знал, что это только начало. Они дали ему понять, что следят за ним. Но они не знали главного: в столице он работал с фактами, а здесь он только что получил нечто гораздо более ценное — мотив. И пока они следили за его шагами, он уже знал, куда ему следует наведаться в ближайшее время.

Месяц в редакции тянулся, словно резина. Тот юношеский энтузиазм, с которым Илья сошел с поезда на мокрый перрон, испарился без следа, уступив место глухой тоске и рутине.

Первое задание Ильи — разбор архива за 2015 год — заняло почти неделю. Он методично перелистывал пожелтевшие подшивки, выбрасывая дубликаты пресс-релизов из администрации и сортируя заметки по темам: «Пенсионерка вырастила тыкву-рекордсменку», «В школе №3 прошел конкурс чтецов», «Заседание городского совета: повестка дня». Это была журналистика кладбищенского спокойствия, где любое событие, способное вызвать хоть каплю эмоций, старательно вымарывалось или просто игнорировалось.

После архива началась настоящая работа. Она выглядела так:

День 14. «Труженица тыла получила юбилейную медаль». Илья провел два часа в душной квартире на пятом этаже без лифта. Бабушка Зинаида Петровна угощала его засохшим печеньем и бесконечно долго искала очки, чтобы рассмотреть фотографию молодого лейтенанта — своего покойного мужа. Текст состоял из трех абзацев клише: «благодарность за самоотверженный труд», «пример для молодежи», «ветеран чувствует заботу государства».

День 21. «Открытие новой детской площадки». Материал сопровождался фотографией редакционного фотокора Петровича, который умудрился поймать момент, когда мэр Игнатьев перерезает красную ленточку, но при этом обрезал половину головы чиновнику из областного министерства, стоявшему рядом. Виктор Степанович, посмотрев на снимок, лишь хмыкнул: «Главное, что мэр в фокусе. Пиши про радость детей».

День 27. «Авария на теплотрассе на улице Ленина». Единственная статья, которая отдаленно напоминала репортаж. Илья съездил на место, поговорил с замерзшими жителями пятиэтажек, записал гневные комментарии о холодных батареях. В итоговом тексте, после правок редактора, осталась сухая констатация факта от лица аварийной службы: «Ведутся восстановительные работы, к вечеру тепло будет подано». Гнев жителей превратился в безликое «обеспокоенность граждан».

Каждое утро понедельника начиналось одинаково: с планерки в кабинете главного. Редактор медленно и методично разбирал пятничный номер.

— Так... Передовица про надой молока в деревне Антоновка. Опять рекорд. Кто писал? Ты, Илья Сергеевич? Ну, нормально. Скучно, но читателю нравится стабильность. Петрович! Твои снимки с выставки собак... Что это за пудель-мутант? У него четыре лапы сзади и две спереди.

Илья сидел, слушал эту болтовню и чувствовал, как внутри нарастает протест. Он приехал сюда не для того, чтобы писать про удои и конкурсы красоты среди домашних питомцев. Но каждый раз, когда он пытался предложить тему поинтереснее — например, сделать материал о закрытии единственного в городе дома культуры, — редактор смотрел на него поверх очков тяжелым, свинцовым взглядом.

— Дом культуры? — переспросил он однажды. — А кто нам оплатит бензин до села Кукуевка и обратно? И главное — зачем? Чтобы получить по шапке от главы района? Нет, Илья. Наша задача — поддерживать позитивный информационный фон. Город должен спать спокойно. Напиши лучше про ярмарку меда. Мед — это полезно и вкусно. Все любят мед.

К концу месяца Илья понял, что попал в идеальный механизм подавления. Здесь не нужно было цензурировать статьи — авторы сами прекрасно знали границы дозволенного. Любая инициатива разбивалась о ледяное спокойствие Виктора Степановича и железобетонный аргумент: «У нас нет бюджета / времени / ресурсов». Газета превратилась в печатный орган местной бюрократии, эхо-камеру, отражающую только ту реальность, которую власть хотела видеть.

Единственным ярким пятном за весь этот месяц стала случайная находка в архиве. Устав от сортировки макулатуры, Илья решил полистать старые районные газеты просто так. На последней странице одного из номеров десятилетней давности он наткнулся на крошечную заметку в разделе «Происшествия»: «На окраине города обнаружен несанкционированный слив неизвестного химического вещества в реку Бурную. Ведется проверка».

Прочитав несколько строк, Илья почувствовал знакомый азарт. Вот оно. Настоящее. То, ради чего стоило терпеть сырость подвала и скуку планерок. Он зачем-то аккуратно вырезал заметку ножницами и спрятал её во внутренний карман куртки. Этот маленький клочок бумаги стал его тайным талисманом и единственной ниточкой, связывающей его с мечтой о настоящей журналистике в этом городе пыли и тишины.

В начале ноября редактор, столкнувшись с Ильей в коридоре, сунул ему в руки редакционный фотоаппарат — старую «зеркалку», тяжелую, как кирпич.

— Петрович на больничном, а завтра открытие нового цеха на «ХП». Так что снимать придется самому. Речи, перерезание ленточки, улыбки. Строк на двести. И без твоих этих... расследований, — коротко объяснил задачу Виктор Степанович.

Новый цех завода «ХП» сиял. Это было чужеродное, инопланетное тело посреди серого города. Новое здание из стекла и бетона, блестело на солнце снаружи, а внутри пахло свежей краской. У входа толпились люди: чиновники в дорогих пальто с меховыми воротниками, журналисты из областных изданий с профессиональными камерами и местные рабочие, которые жались по краям площадки, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Илья пробрался сквозь толпу поближе к импровизированной сцене. В центре внимания был он — владелец всего этого великолепия, тот самый олигарх из папки. Аркадий Борисович Волков, тот самый, чья дочь загадочно исчезла, будто растворившись в воздухе.

Еще пять лет назад он был просто жестким бизнесменом, а теперь превратился в монументальную фигуру. Грузный мужчина с тяжелым взглядом и идеально уложенными седыми волосами принимал поздравления. Рядом с ним стоял мэр города и худощавый молодой человек с холодными глазами — очевидно, тот самый сын, свадьба которого не состоялась.

Илья поднял фотоаппарат и щелкнул затвором. Он снимал парадную часть: перерезание ленточки, рукопожатия, сияющие лица. Но его взгляд постоянно возвращался к Волкову. Олигарх выглядел победителем, но в его глазах читалась усталость человека, который слишком долго нес на плечах груз чужих тайн.

Вдруг Илья почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Он опустил камеру. Сбоку от сцены стоял мужчина лет сорока в штатском, но с выправкой военного или силовика. Он не аплодировал. Он просто смотрел прямо на Илью тяжелым, немигающим взглядом. Илья узнал этот типаж — такие люди не задают вопросов, они отдают приказы. Тот самый «куратор» от местной элиты? Начальник службы безопасности?

Мужчина в штатском едва заметно кивнул кому-то в толпе охраны.

— Эй, ты! — раздался грубый окрик за спиной Ильи. Он обернулся. К нему быстрым шагом направлялись двое охранников в черной униформе. — Да, ты! С фотоаппаратом. Кто разрешал снимать? Пройдемте.

Илья инстинктивно прижал камеру к груди.

— Я из районной газеты. У меня есть аккредитация! — выпалил он, но сам понял, как жалко это звучит.

— Аккредитация у тебя на репортаж с открытия, а не на то, чтобы щелкать руководство крупным планом для личных архивов. Пройдемте для проверки документов и оборудования.

Его взяли под локти с двух сторон и повели прочь от толпы, за угол новенького цеха, где шум праздника стихал. Илья лихорадочно соображал. Это была классическая тактика: изолировать, запугать, забрать материалы.

— Послушайте... — начал он, но договорить не успел. Один из охранников резко дернул его за руку, а второй попытался вырвать камеру.

— Отдай по-хорошему, пацан. Не лезь, куда не просят. Мы же тебя предупреждали.

В этот момент Илья сделал то единственное, что пришло ему в голову — он нажал на кнопку спуска затвора прямо в лицо тому, кто был ближе. Яркая вспышка на мгновение ослепила охранника.

— А-а-а! Сволочь! — взревел тот, отшатнувшись и закрывая глаза рукой.

Воспользовавшись секундным замешательством, Илья вырвался из захвата второго и бросился бежать вдоль стены здания. Он слышал за спиной топот тяжелых ботинок и мат.

Он завернул за угол и оказался на заднем дворе завода. Здесь царил совсем другой мир: горы строительного мусора, ржавые бочки и покосившийся забор из сетки-рабицы. Бежать было некуда. Впереди тупик.

Илья прижался спиной к холодной стене цеха, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Из-за угла медленно вышли его преследователи. Они уже не бежали — спешить было некуда.

— Ну что, допрыгался? — ухмыльнулся один из них, разминая кулаки. — Сейчас мы тебе объясним правила поведения в нашем городе.

Они приближались неспешно, уверенные в своей силе. Илья понял: сейчас его будут бить. Возможно, очень сильно. И никто не услышит его криков за толстыми стенами нового цеха.

Вдруг сверху раздался резкий металлический скрежет. Илья и охранники одновременно подняли головы. В одном из узких окон второго этажа приоткрылась ржавая фрамуга.

— Эй! Журналист! Сюда! Быстро!

В проеме окна стояла девушка или молодая женщина. Лицо её было в тени, но голос звучал твердо и властно.

— Давай сюда! По пожарной лестнице слева!

Это был шанс. Один на миллион. Илья не стал раздумывать ни секунды.

— Спасибо! — крикнул он и рванул к ржавой лестнице, приваренной к стене цеха. Охранники опомнились и бросились за ним, но было поздно. Илья взлетел по лестнице с ловкостью обезьяны и перевалился через подоконник внутрь темного помещения склада или подсобки.

Дверь за ним тут же захлопнулась. Щелкнул замок.

В полумраке он смог разглядеть свою спасительницу. На вид ей было чуть меньше тридцати. Темные волосы собраны в небрежный пучок, на груди золотой кулон в форме полумесяца, а в глазах — смесь тревоги и любопытства.

Она приложила палец к губам и прислушалась к крикам снаружи.

— Они скоро уйдут, — прошептала она наконец, глядя на Илью с нескрываемым интересом. — Но тебе повезло, что я увидела тебя внизу через окно кабинета... Ты ведь Илья? Новый журналист из «Света»?

Он кивнул, все еще пытаясь отдышаться.

— Да. А вы... кто?

Она усмехнулась уголком губ и протянула ему руку для рукопожатия.

— Меня зовут Марина Волкова. Я здесь работаю экологом... И я думаю, нам есть о чем поговорить. Например, о том, почему служба безопасности моего отца так настойчиво хотела отобрать у тебя фотоаппарат именно сегодня.

Глава 3 Секрет Полины

За дверью послышался тяжелый металлический скрежет. Охранники пытались выбить замок или поддеть дверь чем-то острым.

— Они недолго будут возиться, — прошептала Марина, не отрывая взгляда от массивной стальной двери. — У них есть лом. Но у нас, думаю, есть несколько минут.

Она повернулась к Илье. В полумраке её лицо казалось бледным, но глаза горели холодным, расчетливым огнем.

— Прежде всего, я хотел бы знать, почему дочь Аркадия Волкова, которая, судя по всему, должна быть на праздничном банкете в честь открытия этого... этого монстра, прячется в пыльном чулане и спасает от своих же охранников столичного журналиста?

Марина горько усмехнулась. Она подошла к маленькому, затянутому пылью окну и выглянула на улицу.

— Во-первых, я не просто дочь. Я младшая сестра Полины.

Илья замер. Имя, которое он твердил про себя последний месяц, повисло в воздухе, обретая плоть и кровь.

— Полина не сбежала, — продолжила Марина, и её голос дрогнул, но лишь на долю секунды. — Она не уехала к «неизвестному возлюбленному» и не спряталась от стресса перед свадьбой. Она знала слишком много.

Она подошла к старому деревянному столу, сдвинула в сторону стопку инвентарных ведомостей и достала оттуда черную флешку, но не отдала её Илье, а сжала в кулаке.

— За месяц до исчезновения Полина нашла проектную документацию. Не ту, что показывают публике с красивыми рендерами и фильтрами. Настоящую. Она работала волонтером в архиве областной администрации и наткнулась на старые экологические экспертизы по химкомбинату «С». Ты ведь уже догадался, да? Что этот мусоросжигательный завод — это ширма. На самом деле здесь планировали легализовать утилизацию высокотоксичных отходов, которые мой отец годами накапливал нелегально, экономя миллиарды на переработке.

Илья кивнул, вспоминая пометку синей ручкой из украденной папки: «Проектная мощность занижена в 3 раза».

— Полина хотела передать эти данные федералам, — сказала Марина. — Она назначила встречу с Алексеем Беловым. Они должны были обменяться информацией: у Белова были фотографии реальных сливов в реку, а у Полины — финансовые схемы и подписи. Встреча была назначена накануне её свадьбы. Идеальное алиби: всем она сказала, что просто нервничает и уехала к подруге на девичник. Однако она поехала на старую дачу Белова за городом.

Марина сделала глубокий вдох, словно погружаясь в ледяную воду.

— Я знала, что она туда едет. Я умоляла её не ходить. Я говорила, что отец узнает, что его люди уже следят за ней. Но она была уверена, что успеет. В ту ночь я ждала её звонка до утра. Он не раздался. А на следующее утро отец объявил, что она сбежала.

— А что было на самом деле? — тихо спросил Илья.

— Её перехватили на трассе. Не полиция, не бандиты с большой дороги. Люди в штатском. Те самые, что сейчас ломятся в эту дверь. Её увезли не на допрос, Илья. Её увезли туда, откуда не возвращаются. Официально её объявили в розыск, но через неделю дело «повисло» из-за отсутствия состава преступления. А еще через полгода Алексей Белов «не справился с управлением» на своей «Ниве».

За дверью раздался громкий треск. Петли заскрипели, подаваясь внутрь.

— У нас нет времени, — резко сказала Марина, пряча флешку обратно в карман. — Я согласилась работать здесь экологом не только для того, чтобы спасти природу. Я хочу выяснить, что Полина узнала перед встречей с Беловым.

— Почему ты не пошла в полицию? Или к федералам?

Марина посмотрела на него с жалостью, в которой было больше усталости, чем презрения.

— Полиция? Она кормится с рук моего отца. А федералы... Ты же сам видел, как работает твоя столичная система. Одно письмо, один звонок — и дело закроют, а тебя самого объявят сумасшедшим. Мне нужен был кто-то со стороны. Кто-то, у кого здесь нет корней, кого нельзя купить, запугать или подставить, ссылаясь на старые грешки. Мне нужен был упрямый идиот из столицы, который верит в справедливость.

Она усмехнулась, глядя на его взъерошенные волосы и грязную куртку.

— И ты идеально подошел. Я следила за тобой с первого дня. Видела, как ты копался в архиве. Видела, как тебя предупреждали. Я ждала, пока ты сам выйдешь на этот завод. Твоя попытка сделать репортаж была отличным поводом для проверки твоей решимости.

Илья почувствовал, как внутри все холодеет.

— Ты использовала меня как приманку? Чтобы проверить, съедят меня или нет?

— Я использовала тебя как союзника, — жестко отрезала Марина. — А теперь решай: ты уйдешь отсюда с пустыми руками, напишешь свою статейку про перерезание ленточки и забудешь про Полину. Или ты поможешь мне найти то, что она спрятала, и мы вынесем это на свет.

Дверь затрещала снова. На этот раз вместе со скрежетом металла послышался голос:

— Да выбивайте её, черти! Начальник сказал – найти и отобрать всё!

Марина метнулась к дальнему углу комнаты, где за стеллажом с ржавыми банками краски виднелась решетка вентиляционной шахты. Она рванула её на себя. Решетка, державшаяся на честном слове, с грохотом упала на пол.

— Это старая вентиляция, она ведет в подвал, а оттуда – к техническому выезду для мусоровозов. Там нет камер, — быстро проговорила она, забираясь в темный проем. — Лезь!

Илья колебался долю секунды. Взгляд упал на фотоаппарат в его руках. Затем он вспомнил запах мокрого бетона на вокзале, равнодушное лицо редактора и беззубую усмешку старика у забора.

Он шагнул в темноту следом за Мариной.

— Веди, — сказал он, и его голос в гулкой шахте прозвучал тверже, чем он ожидал.

Они ползли по узкому, пыльному каналу, сдвигая локти о шершавый металл. Снизу, из недр завода, доносился гул работающих турбин – ровный, ритмичный, похожий на сердцебиение огромного, больного зверя. Илья понял, что точка невозврата пройдена. Теперь он не просто наблюдатель. Он стал частью этой войны. И у него был только один шанс остаться в живых — не проиграть.

Дверь подсобки, сорванная с петель, с грохотом ударилась о бетонный пол. В проёме, тяжело дыша, стояли двое охранников. Их лица блестели от пота, а в глазах читался не столько триумф от выполненной задачи, сколько липкий, животный страх. Они знали, что за этой дверью должен был находиться беглец. Но комната была пуста.

Они обернулись: в нескольких метрах позади них стоял Волков. Он уже не был тем монументальным, принимающим поздравления олигархом. Его крепкая фигура сейчас излучала почти физически ощутимую ярость. Он медленно снял очки в золотой оправе и аккуратно, слишком аккуратно, сложил дужки. Этот механический, выверенный жест был страшнее любого крика.

— Пусто? — его голос был тихим, почти шелестящим. — Куда они делись?

Это был плохой знак. Очень плохой.

Охранник, что был повыше ростом, сглотнул слюну и неуверенно сделал шаг назад, словно пытаясь раствориться в тени.

— Они... они ушли через старую вентиляцию, Аркадий Борисович. Мы не учли этого. Мы сейчас всё проверим, поднимем записи с камер на выезде...

Волков сделал шаг вперёд. Охранник инстинктивно отступил ещё на шаг и упёрся спиной в холодный металлический стеллаж.

— Вентиляция? — переспросил он, и его губы искривились в презрительной усмешке. — Вы два здоровых лба, которым я плачу немалые деньги за то, чтобы вы умели думать и видеть, упустили девчонку и столичного писаку через вентиляцию? В здании, которое я построил? На объекте, который должен быть стерильным?

Он говорил всё так же тихо, но его ярость, казалось, заполнила всё пространство цеха, заставляя гудеть натянутые до предела нервы охранников.

— Я... мы... — промямлил второй охранник, — мы их найдём. Догоним на трассе...

— Молчать! — рявкнул Волков, и от этого звука, казалось, задрожали стёкла в панорамных окнах.

Он на мгновение прикрыл глаза, пытаясь совладать с собой. Кулаки его были сжаты так сильно, что побелели костяшки.

Внезапно он замер. Ярость медленно уступала место холодному расчету. Он открыл глаза и посмотрел на охранников уже без прежнего бешенства. Он всё понял. Понял то, что должен был понять сразу. Этот щенок-журналист не просто так оказался здесь. Его привели. Его использовали как приманку. И его собственная дочь... Марина... Она всё это спланировала. Она хотела проверить его охрану на прочность. Хотела посмотреть, как далеко она может зайти.

«Ничего», — подумал Волков. — «Ты думаешь, что ты умная? Ты думаешь, что переиграла меня?».

Он снова надел очки и поправил дорогой пиджак. К нему возвращалась привычная маска властного спокойствия.

— Значит так, — произнёс он ровным, деловым тоном. — Никого не искать. Никого не преследовать.

Охранники переглянулись с явным облегчением.

— Но как же... — начал первый.

— Молчать и слушать! — оборвал его Волков. — Вы ничего не слышали, никого не видели. Журналист сделал пару снимков для своей жалкой газетёнки и уехал писать про трубы в детском саду. Это понятно?

Они быстро закивали.

— Но... если мы их не поймаем... они же могут... — второй охранник не договорил.

Волков медленно перевёл на него тяжёлый взгляд.

— Они могут пойти в полицию? К федералам? — он издал короткий, сухой смешок. — И что они скажут? Что дочь олигарха Волкова прячется на его же заводе? Что она организовала побег через вентиляцию? Их поднимут на смех. А если нет... если они всё же найдут уши, готовые слушать эту чушь... то это будет уже совсем другая игра.

Он подошёл к одному из них вплотную и понизил голос до шёпота:

— Мы не будем их ловить. Мы будем за ними смотреть. Глаз не спускать. Куда пошёл журналист из редакции? С кем говорил? К кому поехала моя дочь? Докладывать мне лично о каждом их шаге. Каждом звонке. Каждом вздохе. Я хочу знать всё.

Он сделал паузу, обводя обоих тяжёлым взглядом.

— И если они всё же решат сделать глупость... если найдут что-то действительно стоящее... вот тогда мы их возьмём. Тихо и аккуратно. Без шума. А пока... пока мы будем улыбаться и делать вид, что ничего не произошло.

Волков развернулся и пошёл прочь, к ожидавшему его внизу чёрному внедорожнику. Охранники остались стоять в пустой подсобке, глядя на сорванную дверь и понимая, что их

сегодняшняя неудача превратилась в приказ вести тайную войну, где цена ошибки будет неизмеримо выше.

Вентиляционная шахта закончилась в тёмном, пропахшем мазутом подвале. Они выбили старую, трухлявую деревянную дверь и оказались на задворках завода, среди лабиринта из ржавых контейнеров и покосившихся складов. Сердце Ильи всё ещё колотилось где-то у горла, а руки, испачканные в вековой пыли и паутине, мелко дрожали.

Марина, напротив, выглядела собранной. Она быстро огляделась, сверяясь с внутренними ориентирами, и уверенно кивнула в сторону сетчатого забора с колючей проволокой наверху.

— Туда. Там есть дыра, о которой знают только местные собаки.

Они пролезли через узкий лаз, оцарапав руки и порвав одежду. Оказавшись на свободе, они побежали. Не оглядываясь, не говоря ни слова, просто бежали прочь от этого стального монстра, пока гул турбин не стих, превратившись в далёкий, зловещий фон.

Выбившись из сил, они остановились на обочине пустынной загородной трассы. Вокруг была серая, раскисшая от дождей земля, голые поля и свинцовое небо, которое, казалось, давило на плечи.

— Нам нужно в город, — выдохнул Илья, пытаясь восстановить дыхание.

Марина молчала, пальцы её всё ещё подрагивали.

— Поймать попутку здесь — это большая удача. Это старая дорога, на ней можно никого не встретить до вечера.

На их счастье в этот момент из-за поворота донёсся натужный гул дизельного двигателя. Из-за холма показался громоздкий лесовоз. Марина решительно шагнула на дорогу и подняла руку. Огромная фура с шипением затормозила, обдав их облаком сизого дыма.

Водитель — пожилой мужик с седыми усами — приоткрыл дверь.

— Куда вам, молодежь?

— До города подбросите? — спросила Марина.

— Залезайте. Только быстро.

В кабине было жарко, пахло разогретым железом. Илья и Марина втиснулись на сиденье, и лесовоз, тяжело качнувшись, тронулся с места.

Когда впереди показались панельные многоэтажки окраины города, Илья решил нарушить тишину:

— Куда теперь?

Марина медленно повернула к нему голову. В её взгляде не было ни тепла, ни благодарности — только холодная решимость.

— Мы едем к ней.

— К кому?

— К вдове Алексея Белова. К Елене.

Она назвала адрес: заводское общежитие, третий блок.

Лесовоз высадил их на остановке у центральной площади. Дождавшись, когда огромная машина скроется за поворотом, они пошли пешком через дворы, стараясь не попадаться на глаза редким прохожим.

Нужный им дом оказался типовой пятиэтажкой из серого кирпича с облупившейся штукатуркой. Они вошли в пропахший кошками и варёной капустой подъезд и поднялись на третий этаж. Марина остановилась у двери с номером 34 и на мгновение замерла, словно собираясь с духом. Затем она решительно нажала на кнопку звонка.

За дверью слышались шаркающие шаги и тихое: «Кто там?».

— Елена? Это Марина Волкова. Мне нужно с вами поговорить.

Дверь приоткрылась на длину цепочки. В щели показалось бледное, измождённое лицо женщины неопределённого возраста с глубокими тенями под глазами.

— Марина? Что ты... Я же просила тебя больше не приходить. Я ничего не знаю. Уходи!

— Елена, пожалуйста! Это важно! Это касается Полины и... документов Алексея.

Женщина за дверью вздрогнула так, словно её ударило током.

— Проходите! Только быстрее, — произнесла она почти беззвучно. — За домом могут следить.

Раздался звук снимаемой цепочки, дверь открылась и, впустив гостей, тут же захлопнулась.

— Сегодня на завод прибыл контейнер из столицы. Его случайно мог сфотографировать Илья, что очень не понравилось охране. Возможно, в этом кроется разгадка тайны исчезновения моей сестры и гибели Алексея, — объяснила Марина.

— Если то, что вы говорите про новый цех и секретный груз — правда... значит, они перешли черту, — Елена задумалась.

Она подошла к столу и извлекла оттуда стопку бумаг.

— Вот, смотрите, это Алексей достал из тайника в лесу. Полина оставила там это перед своим исчезновением. — С этими словами Елена протянула Марине бумаги.

Та быстро пробежала по ним глазами и заявила:

— Кажется, я начинаю понимать, что в черном контейнере.

— И что же это? — нетерпеливо спросил Илья.

— Установка, которую смонтировали в новом цехе, — не обычная инсинераторная печь. Она спроектирована для высокотемпературного плазменного разложения, — объяснила Марина. Чтобы расщепить эти молекулы на безопасные составляющие, нужны колоссальные температуры и специфические катализаторы. Без них при сжигании образуются диоксины. Химическое оружие, по сути. А в контейнере, я думаю, «выжигатель».

Она сделала паузу, давая Илье осмыслить слово.

— Это экспериментальная разработка. Я видела упоминания о ней на закрытых форумах химиков-экологов. Смесь редкоземельных металлов и органических окислителей в виде концентрированного раствора или порошка. Вводится в поток отходов непосредственно перед зоной горения. При достижении плазменной температуры эта смесь вступает в реакцию и выступает как сверхмощный разрушитель химических связей. Она буквально «разрывает» молекулы диоксинов и тяжелых металлов на простейшие элементы.

— Звучит как спасение, — неуверенно заметил Илья.

Марина горько рассмеялась.

— Спасение? Это звучит как лицензия на убийство. Смотри, что получается. Завод десятилетиями копил у себя самый токсичный и опасный мусор со всего региона. Его нельзя было ни вывезти, ни утилизировать по закону. А теперь у них есть эта установка и «выжигатель». Они могут брать любые отходы. Самые ядовитые. Самые запрещенные. И превращать их в дым. Представь себе. Заводу больше не нужно платить за утилизацию. Они могут принимать заказы со всей страны. Привозить сюда яды, которые запрещено хранить даже на спецполигонах. И сжигать их здесь, прямо над жилыми кварталами. «Выжигатель» не делает дым абсолютно чистым, он лишь доводит его до приемлемых по датчикам показателей. Но что происходит с побочными продуктами этой реакции? Куда девается остаточная активность этой дряни? Никто не знает.

Выражение лица Марины стало еще серьезнее:

— Этот черный ящик — идеальное преступление. И всё это будет легально, под видом работы нового «экологичного» цеха. А черный контейнер... это ключ к ящику Пандоры. Именно поэтому за ним так следят и именно поэтому они готовы на всё, чтобы никто не узнал о его содержимом.

Глава 4 Ультиматум

Возвращение Марины домой было тактическим отступлением. Илья смотрел вслед такси, на котором она уехала, пока красные габаритные огни не растворились в серой пелене дождя. Он остался один у подъезда общежития, сжимая в кармане куртки флешку и стопку бумаг, которые им передала Елена Белова. Теперь он был не просто носителем тайны — он был мишенью.

В редакции «Света» за время его отсутствия ничего не изменилось. Воздух в подвале всё так же пах пылью, дешёвым кофе и безнадёгой. Виктор Степанович, не поднимая головы от сканворда, лишь кивнул ему, как кивают предмету мебели, который вернули на своё место.

— Муниципальный отчет о благоустройстве дворов, — буркнул редактор, швырнув на стол Ильи папку. — К обеду. И без этих твоих... журналистских штучек.

Илья сел за свой скрипучий стол. Старый компьютер натужно загудел, загружая операционную систему. Илья включил монитор и положил флешку на стол рядом с клавиатурой. Он не мог вставить её в системный блок редакции. Это было бы равносильно тому, чтобы вывесить над зданием плакат «Я храню компромат на олигарха».

Работа над отчётом шла механически. Илья писал про покрашенные лавочки и новые урны, а в голове у него стучала одна мысль: **«Выжигатель»**.

К обеду текст был готов. Илья отнёс его редактору.

Виктор Степанович надел очки, медленно прочитал два абзаца и молча кивнул.

— Сойдёт. В номер.

Илья вернулся за свой стол. Он достал из ящика свой новый кнопочный телефон — единственное средство связи с внешним миром, которое он считал безопасным. Он набрал номер Марины. Гудки тянулись бесконечно долго.

— Да. — её голос был тихим и напряжённым.

— Я на месте. В редакции.

— Хорошо. Я тоже... дома. Отец устроил мне допрос с пристрастием. Сказал, что я позорю семью, шляясь по заводам с журналистами. Я сделала вид, что испугалась и раскаялась.

— Ты в порядке?

— Я в клетке, Илья. Но клетка золотая, и замок на ней — моё собственное имя. Я не могу выйти из дома без сопровождения охраны. Они думают, что я под контролем. — Только не пытайся со мной увидеться. За тобой следят.

Связь оборвалась. Илья убрал телефон и невидящим взглядом уставился в монитор, где на рабочем столе медленно вращалась иконка скринсейвера.

Дни потянулись в новом, изматывающем ритме. Днём он писал про кабачки на ярмарке урожая и про успехи местной футбольной команды «Химик». Каждое утро он приходил в редакцию, здоровался с Петровичем (который уже вышел с больничного и жаловался на радикулит) и садился за свой стол. Он был идеальным сотрудником: тихим, исполнительным, незаметным.

Но по вечерам всё менялось. Вернувшись в свою съёмную квартиру, Илья запирал дверь на все замки, занавешивал окна и доставал свой личный ноутбук, купленный на деньги, отложенные со столичной зарплаты. В полной тишине он вставлял флешку Марины в разъём.

Это был нелегкий труд. Документов были десятки: финансовые отчёты офшорных компаний, схемы логистики токсичных отходов, переписка с чиновниками из министерства экологии, где обсуждались заниженные нормы ПДК. Но главное — там были рабочие журналы испытаний «выжигателя».

Илья читал отчёты о тестах: сначала сжигали обычные ТБО, показатели были идеальными. Затем в поток стали добавлять концентрат «выжигателя», и датчики фиксировали рез-

кое падение уровня диоксинов до «зелёной» зоны. А потом... потом шли закрытые тесты. В графе «Тип отходов» значилось: «Спецгруз 12-А». В графе «Результат» — «Успешная деструкция сложных органических соединений».

Илья понимал: у него есть всё. Абсолютный, неопровержимый компромат. Но что с ним делать? Отправить по электронной почте в федеральное СМИ? Его ящик взломают через минуту после отправки. Пойти в полицию? Его арестуют за хранение секретных данных или подбросят наркотики ещё на пороге отдела.

Он оказался в ловушке собственной правоты.

В один из таких вечеров его размышления прервал звук пришедшего сообщения в мессенджере на втором телефоне. Номер был незнакомый. «Здравствуй, Илья Сергеевич». Сердце пропустило удар. «Мы знаем, что ты копаешь не там, где надо. Твоя жизнь может быть очень долгой и спокойной при одном условии».

Он сидел перед тёмным экраном ноутбука и чувствовал, как его душит бессильная ярость. Он был заперт в этом городе, в этой редакции, в этой лжи. Он мог сбежать прямо сейчас — бросить ноутбук, оставить флешку и уехать первым же поездом обратно в Москву, к своей старой жизни. И никто бы его не остановил.

Он посмотрел на папку с документами на столе. Взгляд упал на старую вырезку из архива — заметку о сливе химикатов в реку Бурную трехлетней давности. Тогда это было преступление. А теперь это станет просто ещё одним пунктом в отчёте о работе нового «экологичного» цеха.

Илья медленно закрыл ноутбук. Он встал из-за стола и подошёл к окну. На улице дул сильный ветер, начиналась метель.

Решение пришло само собой, холодное и ясное.

«Нужно заставить их самих себя разоблачить. Мне нужно попасть на завод ещё раз», — подумал он.

Утро понедельника в редакции началось как обычно с общей планерки.

— Так, — начал редактор, шлепнув на стол свежий номер газеты. — Разбираем вчерашний выпуск. Петрович, твои снимки с открытия птицефабрики — это позор. У курицы три ноги на переднем плане. Это что, мутант? В корзину.

Петрович лишь философски пожал плечами. Он давно привык к таким шуткам шефа и не считал нужным что-то отвечать.

— Далее. Передовица. Опять про рекордный надой. Кому это интересно? Читатель хочет драмы...

Редактор неожиданно осекся и задумался, глядя на Илью.

— Илья Сергеевич, твой репортаж с открытия завода не слишком понравился главному. Он выглядел как пресс-релиз из администрации. А где динамика? Где эмоции? Где описание этого... как его... технологического чуда?

Илья молчал.

— Аркадий Борисович хочет, чтобы ты сходил еще раз, поговорил с рабочими. Нашел человека, который счастлив от новой установки. Ему нужен позитив.

Илья замер. Это был его шанс, но идти на завод было страшно. Он боялся снова попасть в руки охранников.

Планерка закончилась. Сотрудники начали расходиться по своим местам, гремя стульями. Илья уже собирался встать, когда тяжелая рука Виктора Степановича легла ему на плечо.

— А ты, Илья Сергеевич, задержись. На пару слов.

Виктор Степанович плотно прикрыл дверь в коридор, вернулся к столу и сел не в свое редакторское кресло, а на стул напротив Ильи. Он долго молчал, изучающе глядя на молодого сотрудника. Лицо шефа было непроницаемым.

— Мальчик... Ты либо очень смелый, либо очень глупый. А может, и то и другое сразу. Ты понимаешь, куда ты влез? Ты сунул свой нос туда, где его могут откусить вместе с головой и даже не подавятся.

Он наклонился вперед и понизил голос до едва слышного шепота:

— Я знаю про папку из архива. Я знаю про твою встречу с сестрой Полины Волковой. И я знаю, что вы говорили с вдовой Белова. Ты за один день собрал на себя такой компромат, что тебя можно стереть в порошок десять раз.

Илья похолодел. Откуда он знает?

Виктор Степанович устало потер переносицу.

— Слушай меня внимательно и запоминай. Я не для того спасаю твою шкуру сейчас, чтобы ты завтра снова полез на рожон. Я здесь сижу двадцать лет, потому что я — единственный голос разума в этом городе. Пока я здесь — газету не закроют окончательно, и здесь будет хоть какая-то работа для людей. Если меня уберут — пришлют марионетку из области, и тут будет полная тишина.

Он встал и подошел к окну, выходящему на серую улицу.

— Я не могу тебе запретить копать дальше. Но я могу дать тебе совет: забудь про «выжигатель», пропажу Полины и про всё остальное. Это игра для больших людей. Тебя просто раздавят как букашку.

Он повернулся к Илье.

— Ты мне нравишься. У тебя есть стержень. Но сейчас этот стержень может стать твоим надгробным крестом. Подумай о моей просьбе до обеда. А пока иди и пиши про счастливых рабочих и их радость от нового цеха. Это приказ.

Илья вышел из редакции и направился к остановке автобуса. Слова редактора эхом отдавались в голове: «Раздавят как букашку». Он понимал, что Виктор Степанович, возможно, прав. Но забыть все? Это было выше его сил.

На КПП завода его встретили подтянутые ребята в штатском, с гарнитурами в ушах. Илья подошел к окошку пропусков, стараясь выглядеть уверенно.

— Здравствуйте. Я из газеты «Свет Севера». Мне нужно попасть в новый цех, чтобы взять комментарии для репортажа.

Один из охранников, даже не взглянув на его удостоверение, что-то тихо сказал в микрофон. Он выслушал ответ и кивнул.

— Илья Сергеевич, пройдемте с нами, — сказал он, открывая дверь из будки. Голос был не угрожающим, а скорее... официальным и вежливым.

Илья напрягся. Его не тащили силой. Его... приглашали. И от этого становилось еще страшнее.

Его провели не к цеху, а в административный корпус. В лифте они поднялись на самый верхний этаж. Двери бесшумно открылись в приемную, где за столом сидела безупречная секретарша.

— Аркадий Борисович ждет вас, — объявила она с профессиональной улыбкой и распахнула тяжелую дубовую дверь.

Кабинет директора был огромен. Панорамные окна во всю стену открывали вид на весь завод и город, лежащий внизу как на ладони. За массивным столом из красного дерева сидел он — человек, чье имя произносили в городе полупшепотом.

Он не кричал. Не угрожал. Он просто поднял на Илью тяжелый, изучающий взгляд поверх очков и жестом указал на кресло напротив стола.

— Присаживайтесь, Илья Сергеевич. В ногах правды нет. И давайте без формальностей.

— Светочка, сделайте нам два кофе, — обратился он к секретарше.

Илья несмело сел на край кресла, чувствуя себя школьником в кабинете директора.

— Я прочитал ваш репортаж с открытия нового цеха, — начал Волков, постукивая дорогим пером по папке с логотипом завода. — Знаете, я ценю искренность. А в вашем тексте искренности было ноль. Это просто набор канцелярских штампов. Вы же приехали из столицы не для того, чтобы писать о надоях и рекордных урожаях огурцов?

Илья молчал, не зная, что ответить.

— Нет, — выдавил он.

— Я навел справки о вас, — продолжил Волков, откладывая ручку. — Вы были одним из лучших студентов. У вас были амбиции. Вы хотели менять мир к лучшему. Так почему же сейчас вы пишете эту... серость?

Он встал из-за стола и подошел к окну, заложив руки за спину.

— Мой завод — это не просто трубы и цеха. Это будущее этого города. Будущее страны. То, что мы запускаем — это технологии завтрашнего дня. Утилизация самых опасных отходов с минимальным воздействием на экологию. Это сложнейшая наука.

Волков повернулся к Илье.

— Я предлагаю вам сделку. Забудьте про «Свет Севера». Я делаю вам эксклюзивное предложение. Вы сможете увидеть всё своими глазами. Поговорить с ведущими инженерами. Понять суть процесса. И написать настоящий материал. Глубокий, честный материал о том, как мы спасаем экологию от наследия прошлого века.

Он подошел к Илье и положил руку ему на плечо. Жест был почти отеческим.

— Я хочу, чтобы вы написали правду. Правду о том, какой сложный и важный труд здесь ведется. Взамен... я гарантирую вам полную безопасность и карьерный рост, о котором вы и мечтать не могли в этой провинциальной газетенке.

Илья смотрел в глаза этому могущественному человеку и понимал: это была не угроза. Это была проверка. Волков не знал наверняка, что именно раскопал Илья о «выжигателе» и его дочерях. Он прощупывал почву, предлагая журналисту сделку с совестью: комфорт и карьера в обмен на молчание и лояльность.

Илья поднял взгляд на Волкова и тихо, но твердо ответил:

— Это очень щедрое предложение, Аркадий Борисович. Я... я должен подумать.

Волков убрал руку и едва заметно улыбнулся одними уголками губ.

— Подумайте, Илья Сергеевич. Хорошенько подумайте. Но не слишком долго. Время — самый ценный ресурс.

Илья вышел из административного корпуса, чувствуя на себе тяжелый, как бетонная плита, взгляд Волкова. Разговор оставил после себя вязкое, неприятное послевкусие. Это было не предложение. Это был ультиматум, завернутый в бархатную обертку. Илья понимал, что его только что вербовали или, что еще хуже, ставили на учет. Он ускорил шаг, направляясь к выходу с территории завода, мечтая как можно скорее оказаться подальше от этого места.

Но у самых ворот его ждали.

Двое мужчин в одинаковых темных пальто стояли, прислонившись к черной «Ладе». Когда Илья поравнялся с ними, один из них, тот, что был выше, сделал шаг вперед и вежливо, но твердо перегородил дорогу.

— Илья Сергеевич? — спросил он бесцветным голосом.

— Да. А в чем дело?

— Старший лейтенант Сухов, — он махнул перед глазами красной корочкой, которую Илья даже не успел рассмотреть. — Вам надо проехать с нами.

— Куда? Зачем? У меня работа...

— В отдел. Не волнуйтесь, это не займет много времени. И не задавайте лишних вопросов.

Второй мужчина уже открыл заднюю дверь машины.

— Я что, арестован? На каком основании?

— Нет, что вы. Просто беседа. Прошу вас.

Спорить было бесполезно. Илья сел в машину. Поездка была недолгой и проходила в полной тишине. Его «сопровождающие» не проронили ни слова. Машина остановилась у серого, ничем не примечательного здания городского отдела полиции.

Его провели не в общий холл, а по узкому коридору для персонала прямо к кабинету на втором этаже. На двери висела табличка: **«Следователь по особо важным делам Г. В. Зуев»**.

Внутри было душно и пахло застарелым табаком. За столом, заваленным папками, сидел красивый подтянутый мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и тяжелым, усталым взглядом человека, который видел слишком много и давно перестал чему-либо удивляться. Он не встал при появлении Ильи, лишь молча указал ему на стул напротив.

Двое в штатском остались за дверью.

Зуев долго молча смотрел на Илью, словно рентгеном просвечивая его насквозь. Затем он тяжело вздохнул, открыл ящик стола и достал оттуда помятую пачку сигарет. Щелкнула зажигалка.

— Курить будешь? — голос у него был низкий и хриплый.

Илья отрицательно покачал головой.

— Я не курю.

— Правильно. Дрянь это... А я вот бросить никак не могу, хоть врачи запрещают. — Зуев выпустил струю дыма в потолок. — Значит, ты и есть тот самый столичный журналист. Интересуешься нашим городком? Или конкретными людьми?

Илья не ответил. Следователь и не ждал ответа.

— Я веду дело об исчезновении Полины Волковой уже три года, — продолжил он, глядя Илье прямо в глаза. — И знаешь, что я тебе скажу? Это самое чистое дело в моей карьере. Ни улики, ни свидетелей, ни тела. Идеальное исчезновение. Как в воду канула.

Он затушил сигарету в переполненной пепельнице.

— А знаешь, почему оно такое чистое? Потому что его сделали чистым. Сверху. Мне спустили директиву: искать без фанатизма. Не копать под уважаемых людей. Дело перевели в разряд «висяков» и благополучно забыли бы, если бы не ты.

Зуев наклонился вперед, опираясь локтями на стол.

— Илья... я навел справки. Ты вроде парень неглупый. Амбициозный. Так вот мой тебе совет: забудь. Забудь про архивную папку, про сестру-близнеца, про этот чертов завод и все их тайны. Ты влез в игру, где правила пишут люди с такими деньгами и связями, что нас с тобой сотрут в порошок и даже не заметят.

Он снова закурил.

— Дело Полины закрыто навсегда не потому, что её не нашли. А потому что её... «убрали» из системы самым надежным способом. И если ты начнешь копать, ты не найдешь её. Ты найдешь только свою собственную могилу. Я три года смотрю на это со стороны и молчу. Потому что у меня есть дети и внуки. И я хочу их видеть живыми. Поэтому я прошу тебя по-хорошему: не лезь. Пиши про открытие новых цехов и про ремонт котельных. И живи спокойно.

Зуев откинулся на спинку кресла.

— А теперь иди. И постарайся сделать так, чтобы мы больше никогда не имели повода для подобных бесед.

Глава 5 Искусство возможного

Месяц прошел как в тумане. Илья действительно последовал советам. Он похоронил папку Белова в глубине ящика своего стола, перестал отвечать на сообщения Марины и с головой ушел в работу. Он писал о благоустройстве дворов, брал интервью у победителей школьных олимпиад и готовил разворот к предстоящему Дню города. Это была безопасная, серая, но спокойная жизнь. Жизнь, в которой не было места ночным кошмарам и угрозам в подворотне.

Редактор был доволен.

— Наконец-то ты начал понимать суть местной журналистики, — буркнул он, отправляя Илью в мэрию для подготовки главного материала номера к Дню города.

Мэрия располагалась в помпезном здании довоенной сталинской постройки. Секретарша мэра, строгая дама в очках, проводила Илью в кабинет шефа.

Мэр оказался совсем не таким, как представлял Илья. Никакого властного напора или барских замашек. Андрей Игнатьев был одет в простой пуловер, выглядел усталым и больше походил на университетского профессора, чем на политика. Он поднялся из-за стола, заваленного не бумагами, а какими-то архитектурными макетами, и крепко пожал Илье руку.

— Рад, что вы пришли. А то надоело читать в газетах про одни только скандалы и ЖКХ. Хочется показать людям что-то хорошее, а то они только власти ругают за все. Но никто не хочет понять, чего нам это стоит.

Он жестом пригласил Илью сесть в кресло у низкого столика.

— Чай? Кофе? Нет? Ну, хорошо. Я так понимаю, вам нужен материал о Дне города? О концертах и ярмарках?

Илья кивнул, доставая диктофон.

— Да, в основном о культурной программе.

Мэр вздохнул и сел напротив. Он посмотрел на Илью с какой-то отеческой грустью.

— Илья... Можно без отчества? Вы же молодой человек. Вы приехали из столицы. У вас наверняка были другие планы. А вы здесь... пишете про День города.

Илья напрягся. Разговор сворачивал куда-то не туда.

— Это моя работа.

— Ваша работа — информировать. А чтобы информировать, нужно понимать суть. Вот скажите, что для вас этот город? Просто точка на карте? Место службы?

Илья не знал, что ответить.

— Я... пытаюсь его понять.

— Это хорошо. Потому что этот город — он как старый механизм. Сложный, скрипучий, но все еще рабочий. И чтобы он не сломался окончательно, его нужно не критиковать, а... смазывать. Понимаете? Искать компромиссы.

Мэр встал и подошел к окну, из которого открывался вид на центральную площадь.

— Посмотрите туда. Видите старый фонтан? Его хотели снести еще пять лет назад. Он убыточный, старый. Но я его отстоял. Потому что для стариков из соседнего дома это место встречи. Для детей — радость. Это мелочь, но такие мелочи и создают жизнь города.

Он повернулся к Илье.

— Я знаю про «ХимПром». Знаю про новый цех и про... «выжигатель». Да, это звучит пугающе. Но поймите одну вещь: этот завод — это тысячи рабочих мест. Это налоги, на которые содержатся школы и больницы. Если мы его закроем или заставим работать по столичным экологическим стандартам, он просто обанкротится. Тысячи людей останутся на улице. Будет социальный взрыв.

Игнатьев подошел к столу и взял в руки один из макетов.

— То, что они делают — это компромисс. Зло, с которым мы вынуждены мириться, чтобы избежать зла большего — нищеты и разрухи. «Выжигатель» — это их способ сделать это зло... чуть менее зловонным. Да, это не идеал. Но это позволяет заводу работать здесь и сейчас, а не переехать в Китай, оставив после себя выжженную землю и пустые карманы горожан.

Он поставил макет на место и посмотрел Илье прямо в глаза.

— Я рассказываю вам это не для печати, боже упаси. Я рассказываю это вам как человеку. Чтобы вы понимали контекст. Журналистика — это не только поиск правды. Иногда это... искусство возможного. Вы можете написать разгромную статью о заводе. И что? Завод закроют на один день для проверки, а потом откроют снова. А вас просто вышвырнут из города с волчьим билетом.

Мэр вернулся в свое кресло и устало улыбнулся.

— Поэтому давайте сделаем так: вы напишете отличный материал про День города. Про улыбки детей, про музыку, про новый фонтан. А я со своей стороны обещаю вам эксклюзив на следующей неделе — мы запускаем программу по озеленению набережной. Это будет хорошая новость для первой полосы. Договорились?

Илья вышел из мэрии через час с пухлым блокнотом, полным цифр и фактов о бюджете праздника. Но думал он совсем о другом. Слова мэра о «компромиссе» и «искусстве возможного» звучали логично, почти убедительно. Они объясняли всё: и молчание следователя Зуева, и двойную игру Виктора Степановича, и даже вежливое приглашение от самого Волкова.

Это была правда власти — циничная, прагматичная правда людей, которые считали себя ответственными за город. Илья посмотрел на свой блокнот и понял страшную вещь: он больше не знал, кто здесь злодей, а кто — герой. И эта неопределенность пугала его больше любых угроз.

Идея написать исторический очерк для приложения ко Дню города пришла сама собой. Илья сказал редактору, что хочет добавить материалу глубины, показать преемственность поколений. На самом деле ему просто нужно было выйти из душной редакции, где все напоминало о папке в ящике стола.

Городской музей располагался в старом купеческом особняке на окраине. Внутри пахло пылью, старым деревом и скипидаром. Тишина здесь была почти осязаемой.

Смотритель музея, древний старик по имени Аркадий Сигизмундович, встретил его с нескрываемым подозрением. Он был похож на нахохлившегося ворона — худой, в старом вельветовом пиджаке, с седой бородкой-эспаньолкой и цепким, не по возрасту ясным взглядом.

— Журналист? — проскрипел он, поправляя на носу очки с треснувшим стеклом. — Из «Света»? Ну-ну. Что, опять будете писать про «достижения» и «трудовые подвиги»? Про то, как наш город-сад цветет?

Илья поморщился.

— Я пишу материал к юбилею. Хочу немного истории. О том, чем город жил раньше.

Старик хмыкнул и, шаркая ногами, повел его мимо витрин с чучелами птиц и образцами руды.

— Историей он интересуется... А про Волковых писать будешь? Про то, как их прадед заводы строил на костях рабочих? Или про то, как нынешний всё к рукам прибрал?

Илья замер. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я... я не занимаюсь этим. Эта тема закрыта.

Аркадий Сигизмундович резко остановился и вперил в Илью свой пронзительный взгляд. Он понизил голос до заговорщического шепота:

— Закрыта, значит? Боишься? Правильно делаешь. Но я тебя не о страхе хотел предупредить.

Он огляделся по сторонам, словно боялся, что их могут подслушать даже музейные манекены, и поманил Илью за собой в подсобное помещение, заваленное картонными коробками и пожелтевшими газетами.

— Я тут не просто так сижу, молодой человек. Я — хранитель памяти. И я помню Полину. Настоящую Полину.

Старик подошел к старому сейфу в углу комнаты и начал возиться с кодовым замком.

— У меня есть кое-что. Документы. Переписка. Фотографии, которые не должны были попасть в архив. Они... опасны. Они могут пролить свет на то, что на самом деле случилось три года назад и что происходит сейчас.

Он открыл тяжелую дверцу сейфа и достал оттуда тонкую картонную папку, перевязанную выцветшей бечевкой.

— Вот. Возьми. Это доказательство того, что завод отравляет эту землю уже не первое десятилетие. И ключ к тому, где искать Полину.

Илья смотрел на папку как на ядовитую змею. Он сделал шаг назад.

— Нет. Я не могу это взять.

Смотритель удивленно поднял брови.

— Что? Испугался? После всего, что ты уже узнал?

— Именно поэтому, — твердо сказал Илья, глядя старику прямо в глаза. — Я испугался за свою жизнь. И за чужие. Вы не понимаете, с кем связываетесь. За мной следят. Меня вызывали в полицию и... приглашали на беседу к директору завода. Это не просто статья. Это война.

Он говорил быстро, почти сбиваясь на шепот.

— Мне очень жаль Полину. И я верю вам. Но я выхожу из игры. Я месяц пытался жить нормальной жизнью, и у меня почти получилось. Если я возьму это... они не просто меня уволят. Они меня уничтожат.

Илья развернулся и пошел к выходу из подсобки.

— Простите меня. Пожалуйста, забудьте о нашем разговоре и... лучше сожгите это... сами.

Он вышел из музея под звон дверного колокольчика, оставив Аркадия Сигизмундовича стоять посреди комнаты с папкой в руках и выражением горького разочарования на лице. Илья шел по улице, глубоко вдыхая холодный воздух, пытаясь убедить себя, что он поступил правильно, что это был единственный разумный выход. Но тяжесть собственного малодушия давила на грудь сильнее, чем все угрозы Волкова вместе взятые.

Планерка в понедельник утром прошла как в тумане. Редакция гудела, обсуждая свежий номер. Репортаж Ильи о Дне города, занявший целую полосу и украшенный фотографиями Петровича, превзошел все ожидания. Это был не просто отчет, а настоящая ода провинциальной жизни: с запахом шашлыка, искренними улыбками детей на аттракционах и трогательным интервью с ветераном труда. Материал получился настолько живым и позитивным, что даже вечно недовольный корректор назвал его «лучшим, что он читал за последние годы».

Виктор Степанович был в ударе. Он не просто похвалил Илью, он его превознес.

— Вот! — редактор потряс газетой в воздухе. — Вот как надо работать! Не сухая статистика, а душа города! Илья Сергеевич, вы растете на глазах. Так держать!

После планерки, когда сотрудники разошлись по своим местам, Виктор Степанович поманил Илью к себе в кабинет.

— Зайди-ка. Есть разговор.

В кабинете редактор, не говоря ни слова, открыл сейф, достал оттуда пухлый белый конверт и протянул его журналисту.

— Держи. Заслужил.

Илья взял конверт. Он был тяжелым. Выйдя в коридор и отойдя к окну, он заглянул внутрь. Там лежала плотная стопка пятидесяти тысяч купюр. Он быстро пересчитал их, и сердце пропустило удар. Сумма была равна его зарплате за полгода. Целое состояние по меркам начинающего корреспондента в провинции.

Илья вернулся в кабинет редактора и положил конверт на стол.

— Виктор Степанович... Что это? Здесь какая-то ошибка. Это слишком... много.

Редактор снял очки и устало протер глаза. Он не выглядел торжествующим. Скорее, он выглядел как человек, выполняющий неприятную, но необходимую обязанность.

— Никакой ошибки, Илья. Это твоя премия за материал о Дне города.

— Но... это же бюджет газеты? У нас есть такие деньги на премии?

Виктор Степанович криво усмехнулся и посмотрел на Илью с какой-то отцовской жалостью.

— Ты же не вчера родился. Конечно, это не из бюджета редакции. Ты думаешь, почему тебя так легко пустили на все объекты? Почему мэр уделил тебе столько времени? Почему Волков лично показывал тебе новый цех?

Редактор встал, подошел к окну и приоткрыл форточку.

— Это был не просто репортаж, Илья. Это была *проверка*. Проверка твоей лояльности. И ты её блестяще прошел. Ты написал именно то, что от тебя хотели: про счастливых людей, про развитие и про то, какое это великое благо — новый цех на «ХимПроме». Ты не задал ни одного неудобного вопроса. Аркадий Борисович остался очень доволен. Он сказал, что такой талантливый журналист заслуживает достойного вознаграждения, чтобы у него не было нужды искать... альтернативные источники дохода или совать нос, куда не следует.

Илья смотрел на конверт на столе, и ему казалось, что деньги жгут столешницу.

— То есть... это... взятка? За молчание?

Виктор Степанович поморщился.

— Называй это как хочешь: грант, спонсорская помощь редакции, премия за профессионализм. Суть одна: ты теперь на довольствии у Волкова. Ты свой. И они будут тебя беречь, пока ты играешь по правилам.

Редактор посмотрел на Илью тяжелым взглядом.

— Бери деньги. И забудь про музей, про старика-архивариуса и про все свои сомнения. Это цена твоего спокойствия. Поверь мне, оно того стоит.

— А если я перестану играть по их правилам? — спросил Илья.

— Тогда... — Редактор на мгновение задумался. — Тогда это будет уже совсем другая история.

— Ты хочешь знать цену? — тихо произнес он. — Хорошо. Я расскажу тебе. Два года назад на этом самом стуле сидел другой человек. Звали его... допустим, Сергей. Отличный был журналист. Огонь. Как ты. Приехал из областного центра с горящими глазами и желанием вывести всех на чистую воду. Он тоже заинтересовался делом Полины Волковой. Не сразу, но докопался. Нашел какие-то старые отчеты об утечках, начал задавать вопросы. Ему даже удалось поговорить с одним из бывших инженеров завода, который уже был на пенсии.

Редактор взял со стола бутылку с минералкой и налил себе полстакана, но пить не стал.

— Сначала это были намеки. Просили не лезть. Потом — визит вежливости от службы безопасности завода. А потом... потом они взялись за его семью.

Виктор Степанович сделал глоток и посмотрел на Илью поверх стакана.

— У него была младшая сестра. Студентка. Возвращалась вечером из библиотеки. На неё напали какие-то отморозки в подворотне. Не ограбили, нет. Просто... избili. Сильно. Перелом челюсти, сотрясение. Она до сих пор заикается и боится выходить из дома одна.

Он поставил стакан на стол.

— На следующий день Сергей пришел ко мне. Бледный как смерть. Он положил на стол заявление об увольнении по собственному желанию и показал билет на поезд. Сказал только одну фразу: «Я всё понял». И уехал в тот же вечер, даже не забрав все вещи из кабинета.

Редактор кивнул на конверт с деньгами.

— Эти деньги — цена твоего спокойствия и безопасности твоих близких, Илья. Это не взятка за статью о Дне города. Это *страховка*. Пока ты берешь их, ты под их защитой. Ты становишься частью системы, а таких не трогают. Но как только ты откажешься... ты снова станешь угрозой.

Он подвинул конверт к Илье.

— Бери. И подумай о том, что у тебя есть. Мать? Отец? Девушка? Ты готов рискнуть их безопасностью ради своей правды? Поверь, Волков и его люди не остановятся ни перед чем, чтобы защитить свои интересы. Твоя правда здесь никому не нужна, кроме тебя самого. А вот твоя боль может стать очень реальной для тех, кто тебе дорог. Ты думаешь, что они там, далеко, в Москве? Но ты же понимаешь, что их достанут даже из-под земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.